КОЛЛЕКЦИИ И ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Г. А. НИКИТИНА В ЧУВАШСКОЙ АССР

Т. А. КРЮКОВА

При любом этнографическом исследовании авторы используют в качестве основного источника музейные коллекции. Большое значение для освоения специальных тем имеют и полевые материалы, которые широко привлекаются наряду с литературой и документальными данными.

Большинство этнографов — это одновременно и полевики-собиратели.

Нередко они сочетают полевые изыскания с музейной работой, непосредственно изучая и одновременно приобретая для музея предметы народного быта и культуры.

К числу таких ученых-собирателей принадлежит и Георгий Александрович Никитин (1908—1942), бывш. сотрудник Государственного музея этнографии народов СССР, памяти которого мы посвящаем этот небольшой очерк.

...Говорить об этнографическом наследии Г. А. — это значит характеризовать собранные им коллекции, масштабы его полевых исследований, значение которых для науки и музея этнографии трудно переоценить.

В 1931 г. Г. А. Никитин окончил этнографическое отделение географического факультета Ленинградского государственного университета, специализировался по народоведению тюркоязычных групп. В числе своих учителей Г. А. Никитин всегда называл акад. А. Н. Самойловича и проф. С. И. Руденко, заложивших основы его знаний.

Студенческую практику он проходил в Баку, в составе экспедиции по изучению тюрок Азербайджана под руководством опытного востоковеда-тюрколога Зифельда, действенную помощь которого в овладении навыками экспедиционной и исследовательской работы Г. А. впоследствии не раз вспоминал. По окончании университета он был направлен в Карелию (Петрозаводск), где 3 года занимал должность ученого секретаря Бюро Краеведения.

В Музей этнографии в 1934 г. он пришел в качестве старшего научного сотрудника отдела «Ленинградская область и Карелия» и трудился там с 1934 по 1938 г.

Основательное знакомство с историей карел и вообще финно-угров, изучение русских Заонежья и Архангельской области расширили диапазон его знаний, а самостоятельная работа в музее закрепила их. Все эти годы Г. А. Никитин работал творчески, инициативно. При его непосредственном участии была построена экспозиция «Карелия и Кольский полуостров».

На основе материалов, привезенных из экспедиций, он написал несколько интересных и ценных статей[1].

Фактически уже в эти годы по инициативе Г. А. заложен был и фундамент для организации впоследствии в Государственном музее этнографии отдела Поволжья и Приуралья.

Именно тогда он освоил богатейшие коллекции по народам Поволжья, причем особое внимание сосредоточил на материалах по чувашам.

В 1938 г. Г. А. Никитин получил официальное право работать по специальности, по изучению этнографии тюрок Поволжья, в частности, — чувашей, и стал заведующим «Секцией народов Поволжья», переименованной в 1939 г. в «Отдел этнографии народов Поволжья и Приуралья». В новый отдел вошли коллекции по народам Поволжья, которые раньше были разбросаны по другим отделам: коллекции по башкирам и татарам относились к Средней Азии, остальные — к области русской этнографии и т. п.

---

[1] «Капитализация рыболовецких артелей в Поморье», «Тивдийские мраморные ломки в Карелии», «Старообрядчество в Карелии», «Пиры — священные места мусульман». Перечисленные статьи были приняты к печати для сборника Государственного музея этнографии СССР, не изданного в связи с началом Великой Отечественной войны. По материалам Гос. музея этнографии СССР им была опубликована статья «Народное изобразительное искусство финнов суоми». Журн. «Советская этнография», 1941, № 5. стр. 126.

Перед новым заведующим стояла сложная задача: необходимо было организовать хранение, пополнение, изучение и экспонирование материалов. Г. А. Никитин с честью справился с ней в короткий срок.

Цель этой статьи — осветить результаты работы Г. А. Никитина, рассказать о значении его экспедиционных исследований и коллекционного материала по этнографии чувашей. Приходится говорить о человеке, погибшем в самом расцвете творческих сил и возможностей...[2]

Мы уже упоминали о том, что многое было сделано покойным исследователем за короткое время. Действительно, из девяти лет пребывания в музее лишь пять Г. А. удалось посвятить Поволжью и вот с какими результатами:

а) создан Отдел Поволжья и Приуралья с выделением коллекций из других отделов и группированием их в одно органическое целое;

б) произведена реорганизация фондов Поволжья с полным переучетом коллекций, частичной систематизацией материала и первой попыткой осуществления идеи открытых фондов;

в) установлены творческие, действенные связи с республиками Поволжья по экспозиционной, экспедиционной и издательской линиям;

г) организованы две выставки, посвященные искусству народов Поволжья. Обе раза с активным участием республиканских организаций.

И это далеко не полный перечень работ Г. А. Никитина. Успеху его экспедиций в значительной степени способствовали контакты с научно-исследовательскими учреждениями Чувашской АССР и дружественные связи с этнографами и учеными Чувашии.

Много ценных советов и сведений получил Никитин от проф. Н. В. Никольского, А. Н. Львовой, И. Д. Юрки (Никитина) и Н. Романова. В своих полевых исследованиях он опирался также на местных краеведов-любителей, с которыми поддерживал деятельную переписку. Письма на его имя мы продолжали получать и после его смерти, уже после войны.

В ежегодных экспедициях Никитина в Чувашию (начиная с 1938 г.) бросается в глаза сочетание многосторонности с целеустремленностью научных изысканий. За три года он предпринял три большие двухмесячные поездки в 11 районов Чувашии. Помимо большого и ценного фактического материала по ряду этнографических тем Г. А. Никитин собрал 8 интересных коллекций, включающих 346 предметов.

Исследователь работал целеустремленно и планово, готовя экспозиции по истории чувашского народа.

В результате усилий Никитина в 1950 г., уже после его смерти, удалось построить в музее экспозицию, посвященную материальной и духовной культуре чувашей. Вот наиболее крупные темы, которые затронул Никитин: земледелие, скотоводство, средства передвижения (включая и упряжь), пчеловодство, охота, прядение, ткачество, пивоварение; промыслы (валяльный, щеточный, производство *нохраток* и т. п.), жилище (включая домашнюю обстановку и утварь), одежда, народное искусство (узорное тканье, шитье бисером, вышивка, музыка, керамика), народные знания (медицина, добуквенное письмо), свадьба и т. п. Особенно глубоко изучались в экспедициях два вопроса: верования (более узко — погребальные и поминальные обряды) и одежда. Проблема «Погребальные обряды» связывалась с научно-исследовательской работой Г. А., которая должна была впоследствии вылиться в диссертацию[3]. Поэтому экспедиционный материал — фактический и вещевой—по дохристианским верованиям чувашей Никитин коллекционировал очень кропотливо.

Большое внимание он уделял выбору маршрута, особенно в местах расселения некрещеных чувашей. В Янтиковский район (где они сосредоточены) Г. А. неоднократно возвращался.

Интересные данные, связанные с верованиями предков чувашей, удалось получить также в Аликовском, Козловском, Шемуршинском районах. О каж-

---

[2] Г. А. Никитин скончался в 1942 г. в блокированном Ленинграде 34-х лет от роду.

[3] «Чувашские надгробья, как пример антропоморфных изображений в похоронном обряде (опыт анализа)».

дом из предметов, входящих в эту коллекцию, можно говорить особо, но в настоящем небольшом очерке сделать это не представляется возможным. О некоторых уникальных материалах мы позволим себе упомянуть.

В экспедиции 1939 года, в с. Картлуево Козловского района, ученым была приобретена *хёртсурт çӳпçи*—кадушка для жертвенных приношений хёртсурту—духу-покровителю дома и семейного очага. Это—высокая долбленка из липового дерева (с деревянным вставным дном и лубяной крышкой), в которую положены своеобразные «приношения» — мешок *(хёртсурт кутамки)*, набитый старинной вышедшей из употребления одеждой. Среди них — 3 начельника, девичий головной убор *тухья*, нагрудные вышивки *кёскё*, шесть поясных подвесок, три поясных полотенца, лоскутки, монетки разного достоинства и обрядовое печение *йӑва*, завернутое в тряпку.

Запись собирателя гласит, что кадушка эта считалась жителями с. Картлуева не только вместилищем для жертвенных приношений, но и «жилищем» хёртсурта, который, по представлениям чувашей,—существо нематериальное.

В этнографической литературе о хёртсурте говорится как о домовом, духе, «наблюдающем за домом и благополучием жизни семьи»[4].

Г. А. Никитин, комментируя находку, сравнивает ее с *воршудом* удмуртов, у которых воршудный короб тоже — место обитания покровителя рода и семьи воршуда и, одновременно, вместилище жертвенных приношений в дни молений. Хранился воршудный короб в семейной куале (святилище) на полке. К полке этой в обычные дни дотрагиваться не разрешалось. *Хёртсурт çӳпçи*—кадушка, найденная Г. А. в экспедиции, стояла также в чувашской *ласи*, помещении, которое можно считать древнейшим типом чувашского жилища. Подходить к кадушке остерегались, ею владела лишь женщина, которой она принадлежала. Так же, как удмуртский короб, она связана с женским культом, переходит в наследство по материнской линии.

Характер приношений хёртсурту также объясним. Предметы, положенные в çӳçе,—девичья и женская одежда. «Считается, что хёртсурт—дух женского пола. Почти повсеместно он изображается как женщина или девушка в белом одеянии»[5]. Из экспедиции 1940 г. (Траковский, ныне Красноармейский район) Г. А. Никитин привез две вещи, бытовавшие в середине XIX в. и вышедшие к 1940 г. из употребления. Это *хошпу*—головной убор и *теветь*—плечевая перевязь. О них собиратель пишет: «В 1940 году эти предметы одежды по прямому назначению не использовались и осмыслялись как предметы верования, в частности, как жертва одному из персонажей старой чувашской веры — йириху *(йёрёх)*. К ним было запрещено прикасаться. Висели они в углу ласи»[6].

Йирих — второй персонаж чувашской мифологии, который весьма близок хёртсурту; он тоже считается духом-покровителем семейного очага и связан с почитанием душ умерших предков. Г. А. удалось привезти вещи, равных которым не было в музейных коллекциях. Это, так называемые, *йёрёх парни*—кузовки из коры вяза, четырехугольной формы с низкими бортами (прошитыми в углах мочальными веревками) и с деревяннным толстым стержнем, проходящим через весь кузов. В них складывали жертвы йириху[7].

В качестве таковых йириху положены ножницы (чтобы обеспечить изобилие овечьей шерсти), челнок для ткацкого стана (символ обилия холста), лоскутки, обрядовое печение, шерсть лося, раковинки каури, жестяные монетки нохратки и т. п.

---

[4] Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. XVII, стр. 57—58 и 60.
П. В. Денисов. Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959, стр. 29.

[5] П. В. Денисов. Указ. раб., стр. 30.

[6] Дневник (полевые записи) Г. А. Никитина за 1940 г. Регистрацион. опись № 6326-39, 40.

[7] В данном случае функции «жилища» и «вместилища» жертв разъединены. Лубяные коробки — это жилище йирихов, кузовки из вязовой коры — вместилище жертв.

В Аликовском районе посчастливилось найти и инструменты для изготовления нохраток — штампованных бляшек, употреблявшихся в качестве жертв. Это — молоточек и штамп, имитирующий на жести рисунок монетки. Никитин пишет: «Любопытно, что нохратки не продавались, а выменивались, при этом, если за них давали деньги, то никогда не устанавливалась точная цена. Профессия продавцов нохраток в прошлом была распространена. Интересно, что фамилия их потомков (в разных местах) была образована из слов «нохрат» (напр. Нохраткины)»[8].

К числу упомянутых выше находок ученого следует также отнести один чрезвычайно интересный экспонат. Формально он относится к теме «народная медицина», поскольку состоит из элементов для «врачевания». Однако фактически это — комплекс жертвенных предметов и амулетов, предназначенных для предотвращения или уничтожения «порчи». Что же он собой представляет? Мочальную веревку с подвешенными предметами, которым приписывалось магическое значение при лечении болезней: шкурка мертвой ласки, которой гладили больных овец с наговором[9], гробик с перышками иволги, которыми лечили желтуху, концы тканых головных полотенец, мешочек с восковыми свечами, кости птиц и проч.

Все это находилось в ласи над кадушкой çӳпçе с изображением йирихов, которые считались способными «насылать на человека болезнь — порчу, к нему обращались с просьбой принять жертву и излечить человека или животное»[10].

Владелицей экспоната была старуха из дер. Латышево Янтиковского района, по-видимому, колдунья, юмçӑ.

В Аликовском районе (дер. Раскильдино) у такой же колдуньи Никитин приобрел маленький черпачок из сучка дерева с отверстием на дне, который употреблялся при «лечении» живота. Кроме этого, Г. А. собрал большой фактический материал по лекарственным травам (с терминологией). В этом большую помощь и содействие ему оказала А. Н. Львова.

Исключительный интерес представляет также собрание образцов идеографического письма.

Г. А. Никитин пишет об этой коллекции в своем отчете: «Из приобретенного материала следует также выделить интересное собрание бирок различного назначения, а именно: податные бирки (шесть связок), земельные бирки (для раздела земли), бытовавшие в конце 70-х годов прошлого столетия (одна связка) и пастушьи бирки-палки («карт») — четыре штуки.

Весьма интересной является одна из пастушьих палок «карт», приобретенная в дер. Латышево Янтиковского района. На ней нанесено зарубками количество скота, бывшее во владении каждого хозяйства, отмечена соответствующая плата пастуха и, что особенно ценно, вырезаны родовые клейма. Мною составлен список жителей деревни и проставлены перед каждой фамилией родовые знаки, кроме того, расшифрованы названия этих знаков и что они изображают (вилы, куриные лапы, следы зайца, лемех и т. п.)»[11]. Работа над бирками, о которой мы читаем в отчете собирателя и которую он делал совместно с чувашским этнографом И. Д. Юрки (Никитиным), имела конечной целью публикацию материала. Нам кажется, что он этого заслуживает. На наш взгляд, интерес представляют и земельные бирки, о которых Г. А. Ники-

---

[8] Дневник (полевые записи) Г. А. Никитина за 1940 г., стр. 9.

[9] Когда овца обезножит, считают, что это ласка перешла ей дорогу. Болезнь называется *вёчесёр пулнӑ*. Для излечения гладят овцу шкуркой, приговаривая: «Одна ласка перешла, две ласки перешли, три ласки перешли, четыре перешли, пять перешли, шесть перешли, семь перешли, восемь перешли, девять перешли. Пусть все девять разойдутся во все девять сторон, чтоб ни одной ласки не осталось и чтоб овца выздоровела». Дневник полевой за 1938 г.

[10] В. К. Магницкий. Об йирихах у чуваш. Казань, 1891;
Его же. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881, стр. 81—92.

[11] Отчет об экспедиции Г. А. Никитина за 1939 г., стр. 5.

тин упоминает. Это связка длинных четырехгранных бирок (пять штук), скрепленных между собой. На одном из ребер нанесено условно число мужских (ревизских) душ данной деревни, на другом — количество земли, отведенной им в десятинах. Бирок пять, по числу деревень, составлявших Янмурзинское общество. Они имеют большую ценность в совокупности с предметом, привезенным Г. А. Никитиным из того же Траковского района, из д. Хлесь. Это — доска с обозначением количества ревизских душ, т. е. крестьян, получивших землю и плативших подати. Доска—с рельефной надписью: «Деревни 3 Янмурзина, № 2 дер. Хлесь, ревизских душ 40, наличных 74». Таким образом, в деревне Хлесь 34 человека не были наделены землей.

В дневнике Г. А. Никитина мы находим и другие интересные сведения: «Около деревни Хлесь Красноармейского района мной был обнаружен врытый в землю столб с доской. Эта доска и была снята мной для музея. Интересно, что этот «казенный столб», как его называли сопровождавшие меня старики, осмыслялся как «особенный». Доказательством этого могут быть жертвенные деньги, которые часто находили около столба. Я сам нашел у основания его 2 пятачка и гривенник. Беседуя со стариком, я выяснил, что раньше у деревень, население которых участвовало в крестьянских восстаниях, ставились так наз. «черные столбы». Сейчас эти столбы уже не сохранились, но отношение к ним перешло на «казенные столбы» того типа, который я обнаружил» [12].

Интересные данные систематизированы Г. А. и по одежде чувашей. Приобретена одежда и мужская, и женская, и детская самых разных хронологических периодов. Посещение районов расселения низовых чувашей (анатри) позволило дополнить имеющуюся коллекцию старинной вышитой одежды, собранную в дореволюционные годы, более поздними образцами, сделанными из пестряди и узорного тканья. Исключительный интерес представляют собой убранства, вышедшие из употребления и приносимые в качестве жертвы хертсурту.

Находки экспедиций Г. А. Никитина 1938—1940 гг., в частности коллекция старинных масмаков (начельников) Вурнарского и Козловского районов, аналогичных башкирским хараусам и отчасти «нашмакам» марийцев Моркинского района, позволяют ставить вопрос об этнических связях этих народов. Сходство в орнаментации одежды с обскими уграми дают повод установить этнографические параллели в одежде народов Поволжья и финноугров Сибири.

Г. А. Никитин положил начало экспонированию современной одежды. Ему помогла Е. Ефремова — художник и знаток чувашского орнамента. В значительном количестве собраны им и образцы вышивки и узорного тканья.

Экспедиционные материалы, наряду с имевшимися ранее в коллекциях музея предметами орнаментированной одежды, дали возможность Г. А. Никитину написать большую интересную статью по вышивке, которая хранится в научном архиве Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР. Подготовлена им и монография по изобразительному искусству чувашей, в которой значительное место отведено орнаментации одежды.

Монография эта опубликована уже посмертно.

---

[12] Отчет об экспедиции в Чувашскую АССР Г. А. Никитина в 1940 г., стр. 6.